

Ульяна Воронина

ПЕПЕЛ
ЗАБЫТЫХ
БОГОВ

Расправляя крылья вдохновения

Ульяна Воронина

Пепел забытых богов

«Автор»

2026

Воронина У. С.

Пепел забытых богов / У. С. Воронина — «Автор», 2026

Триста лет назад люди сожгли богов, чтобы править самим. Теперь цена этого бунта — бесконечные Пепельные Бури и агония умирающей планеты. Ким Тэхён знает путь к спасению: три Священных Пепла древних небожителей нужно принести на Первозданный Алтарь. Но прикосновение к этой магии убивает его с каждым шагом. Чон Чонгук получает приказ Императора: найти мятежника живым или вырвать его сердце. Капитан Чёрной Инквизиции соглашается без колебаний — только Тиран может излечить его от черной скверны, уже добравшейся до сердца. Это должна быть простая охота. Идеальный механизм против хрупкого жреца. Но Великая Буря меняет правила игры. Оказавшись в смертельной ловушке среди руин, инквизитор получает рану, которая активизирует его проклятие. Единственный шанс выжить для Чонгука — принять свет того, кого он пришел казнить. Спасая врага, Тэхён заглядывает в его разум и понимает: участь мира решена в пользу тирана. Если доставить Пепел Императору, наступит вечная ночь.

© Воронина У. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Эхо сожженных небес	6
Глава 2. Приказ без сердца	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ульяна Воронина

Пепел забытых богов

Пепел забытых богов

Содержание

Часть I. Эхо сожженных небес

Глава 1. Шепот пепла

Глава 2. Приказ без сердца

Глава 3. Угол и лезвие

Глава 4. Щит и клинок

Часть II. Три цвета увядания

Глава 5. Кровь Первой Горы (Пепел Войны)

Глава 6. Слезы Глубин (Пепел Скорби)

Глава 7. Молчание Небес (Пепел Истины)

Часть III. Первозданный Алтарь

Глава 8. Ложь Золотого Трона

Глава 9. Жертва Рассвета

Глава 10. Клинок у алтаря

Сад на костях

Часть I. Эхо сожженных небес

Глава 1. Шепот пепла

Вода в катакомбах была ледяной и тяжелой, как жидкий свинец. Она доходила Тэхёну до середины бедра, пропитывая грубую ткань его плаща и обжигая кожу сквозь истертую обувь. Каждый шаг поднимал со дна облачка мути, которые не оседали обратно. В затопленном подземелье мертвого монастыря свет давно умер вместе с теми, кто когда-то возносил здесь молитвы.

Единственным источником освещения был он сам.

Тэхён замедлил дыхание, заставляя бешено стучащее сердце биться тише. Он поднял правую руку ладонью вверх. Кожа на внутренней стороне предплечья — там, где под тонкой тканью скрывалась древняя руническая вязь — болезненно зачесалась, а затем начала источать тусклое, болезненное золото. Это был не теплый свет живого солнца, но лишь призрак его памяти, угасающий уголек в бесконечной ночи мира. Магия жгла сосуды, вытягивая тепло из его костей, но без этого света он бы уже ослеп от вечной серости Пепельных земель.

Золотистое сияние выхватило из темноты сводчатый потолок. Камень там жил своей страшной жизнью. По нему лениво дрейфовали сгустки магической скверны — липкие, маслянистые комки абсолютного мрака, похожие на застывшую нефть или черный гной. Там, где один такой сгусток касался древней кладки, известняк тихо шипел, сочился едким дымом и превращался в рыжую труху за считанные секунды. Скверна пожирала святость этого места так же жадно, как вода — его камни.

— Тише, — беззвучно прошептал Тэхён, обращаясь к собственной магии. — Не привлекай их.

Он знал теорию. Скверна питалась светом, силой и надеждой. Чем ярче вспышка дара Хранителя, тем быстрее эти твари соберутся на пир. Он скользил по воде бесшумно, словно черная цапля, огибая светящиеся пятна. Воздух внизу был густым, пахнущим тысячелетней пылью, озоном после разрядов магии и сладковатым, тошнотворным ароматом распадающейся плоти — запахом умирающего божественного эха.

Архивы должны были находиться прямо под алтарным залом. Тэхён опустил ладонь на воду, используя свой дар иначе — не для созидания, а для слушания. Золотое свечение перетекло с его руки вниз, распространяясь по поверхности тонким слоем. Вода дрогнула, принимающая импульс, и через толщу жидкости пробился ответный гул. Глубоко внизу, под двадцатисантиметровым слоем спрессованного ила, отозвался металл. И еще что-то... резонирующая пустота.

Земля содрогнулась над головой. Сверху, из самого храма, донесся низкий, утробный рокот сдвигающихся тектонических плит Империи — это очередная Великая Пепельная Буря царапала основание древнего строения. На голову Тэхёну посыпалась мелкая каменная крошка, а вслед за ней полетели тяжелые капли мутной воды. Одна из них попала ему на щеку и обожгла, оставив красный след — дождь снаружи перестал быть просто водой, теперь он нес в себе концентрированный яд небес.

«Нужно спешить. Если своды рухнут, архивы станут моей могилой».

Тэхён погрузил руки в ил, игнорируя склизкое прикосновение гниющих водорослей и чего-то, что определенно раньше было частью чьей-то анатомии. Его пальцы наткнулись на острый край. Он расчистил грязь дрожащими от напряжения пальцами.

Это была не книга. Древний фолиант, который он собирал последние три года по осколкам всей Империи, оказался цельной пластиной из черного обсидиана размером с две его

ладони. Камень был абсолютно матовым, поглощающим даже тот жалкий золотой свет, что излучал жрец. Казалось, сама тьма обрела физическую форму.

На гладкой поверхности обсидиана не было ни единой пылинки, хотя он пролежал в грязи сотни лет. Скверна плавала вокруг него, образуя идеальный круг отчуждения — проклятые сгустки шарахались от пластины, как черт от ладана, оставляя в воде чистый, незримый коридор.

Тэхён коснулся камня кончиками пальцев.

Мир исчез.

Удар чужеродной силы выбил воздух из его легких. Рунические метки на его спине, плечах и груди вспыхнули невыносимо ярким золотом, прожигая одежду. Боль была мгновенной, ослепительной, похожей на вонзившийся в позвоночник раскаленный вертел. Перед глазами поплыли белые пятна. Обсидиан впитал его магию, как иссохшая губка впитывает воду, и ответил собственным дыханием. По черной глади пробежала тонкая, пульсирующая золотая жила.

Пластина показала ему то, ради чего он спустился сюда.

Карта континента проступила изнутри камня объемным миром. Но вместо привычных горных хребтов и рек он увидел кровеносную систему умирающего бога. Три точки горели ядовито-алым — там все еще теплились сердца казненных небожителей, заключенные в Священный Пепел. От них тянулись тонкие черные нити к столице Империи, сходясь в самом центре Дворца — в Первозданном Алтаре.

Император лгал.

Тэхён всегда подозревал, догадывался по лихорадочному блеску в глазах Верховного Судьи, по тому, как быстро увядали сады Цитадели вопреки молитвам. Но только сейчас, держа в руках последний фрагмент, он увидел всю картину целиком. Собрав три Пепла на Алтаре, Император не исцелит земли. Он разорвет печати. Он поглотит остатки божественной крови, чтобы сплавить свое смертное тело с искрой творения. Он станет бессмертным идолом, живым богом на троне из мертвой плоти, а мир окончательно превратится в выжженную, лишенную даже пепла стеклянную пустыню, неспособную породить даже сорняк.

Тэхён вырвал пальцы из камня, прерывая контакт. Золотые узоры на его коже болезненно съезжились, втягиваясь обратно под кожу. Жрец пошатнулся, схватившись рукой за влажную стену. Холод воды больше не чувствовался — кровь отступила от конечностей, спасая жизненно важные органы. Использование такого объема чистой силы стоило ему нескольких месяцев жизни. Он чувствовал себя столетним стариком, чьи кости превратились в хрупкое стекло.

Новый толчок сотряс монастырь сверху гораздо сильнее прежнего. Свод центрального тоннеля издал звук ломающейся сухой ветви. Огромный кусок базальта откололся и с тяжелым плеском ушел под воду в десяти локтях впереди, подняв волну грязной жижи.

Скверна отреагировала мгновенно. Маслянистая тьма пришла в движение. Десятки черных сгустков устремились к источнику чистого света, которым невольно стал Тэхён. Они двигались против течения воды, извиваясь, как слепые угри. Ближайший ком завис прямо перед лицом жреца. Внутри него на мгновение проступил человеческий череп, беззвучно распахнувшийся пасть в крике.

Тэхён судорожно выдохнул пар, завернул обсидиановую пластину в несколько слоев промасленной кожи и туго затянул ремни на поясе, пряча ее на животе. Жар камня сквозь ткань согревал замерзающие внутренности, но этот жар был хищным.

Он развернулся, взметнув ил, и бросился назад, к винтовой лестнице, ведущей наверх, к разрушенным воротам монастыря. Позади, в покинутом им мраке, раздалось голодное, влажное чавканье — скверна набросилась на брошенные им следы, растворяя оставленную в воде золотую пыльцу.

Выбраться наружу до того, как небо упадет на землю окончательно. Найти Перста Императора первым. Или позволить охотнику найти себя. Сейчас это казалось единственным выходом, отличным от медленного самоубийства в этих стенах.

Серый пепел уже начал густой стеной просачиваться сквозь расширившиеся трещины в потолке, засыпая его обратный путь мягким, равнодушным саваном.

Холод обсидиана, едва прикрытого промасленной кожей, обжигал пальцы сильнее, чем кипящая смола. Тэхён не должен был этого делать — открывать канал связи с Пеплом в затопленных катакомбах было чистым безумием. Скверна снаружи только и ждала всплеска силы, чтобы прорвать тонкую мембрану древних сводов. Но ему нужно было знать наверняка.

Он положил ладонь на гладкую, лишенную тепла поверхность камня. И мир взорвался.

Золотые радужки его глаз вспыхнули так ярко, что тусклое золотое сияние рун на его руках померкло в сравнении с этим светом. Веки дрогнули и поползли вверх, но белки закатились, оставляя лишь жуткие золотые блюдца на бледном лице. Его колени подкосились, и он рухнул в ледяную воду, не отрывая руки от пластины. Боль пришла мгновенным раскаленным копьем, вонзившимся в основание черепа. Рунические метки на его спине, плечах и груди — вязь древнего языка, скрытая под разорванной тканью плаща — болезненно вспыхнули сквозь одежду. Кожа пошла волдырями, плоть начала тлеть, пытаясь сдержать напор хлынувшей в него памяти мертвых богов.

Его дар «Чистого света» всегда был тихим. Шепот пепла, который он слышал всю жизнь, обычно звучал как шелест пересыпаемого песка или далекий звон погребальных колокольчиков. Но это была не память о смерти. Это была сама смерть, запечатанная в камне.

В уши ворвался рев пламени, способного плавить само небо. Грохот падающих небесных шпилей, которые люди сбрасывали с орбиты на землю с помощью украденной гравитационной магии. Звон стали — не грубого имперского железа, а звенящего, поющего металла божественных доспехов. И крики. Миллиарды голосов, слившихся в единый хор предсмертной агонии. Он чувствовал запах озона, серы и сладковатой меди. Чувствовал, как горят легкие от ядовитого дыма первых костров Инквизиции.

«Мы доверяли им... — эхо чужих мыслей прошило его собственный разум. — Они пришли просить дождя во время засухи, а когда мы открыли небеса, они перерезали нам глотки...»

Тэхён закричал, но звук умер, застряв в горле. Вода вокруг него забурилась. Черная скверна, до этого лениво плававшая у потолка, почуяла истинную силу. Сгустки тьмы ринулись вниз, вытягиваясь в острые иглы. Один из них прошел в дюйме от щеки Тэхёна, оставив на коже химический ожог, пахнувший жженым волосом. Жрец не замечал их. Его сознание балансировало на краю распада, разрываясь между человеческим ужасом и холодной яростью тех, кто падал с небес.

А затем, сквозь кровавую пелену боли, пришел образ. Не воспоминание прошлого, а видение будущего.

Он увидел Дворец Императора. Первозданный Алтарь в самом сердце столицы. Император стоял там не ради спасения умирающих полей или усмирения Пепельных Бурь. Три Священных Пепла должны были лечь в гнезда алтаря не как ключи к очищению, а как замки.

Император собирался провести Ритуал Поглощения.

Божественная кровь, сохранившаяся в Пепле, была слишком чиста для смертного тела. Она сожжет любого, кто попытается ее выпить, кроме самого создателя. Но если смешать ее с эссенцией тысяч принесенных в жертву еретиков, чьи души истлели в подвалах Цитадели, и пропустить через темную скверну самих инквизиторов... Кровь станет переносимой. Император хотел сплавить свое гниющее, изъеденное болезнями тело с искрой творения. Стать вечным идиолом из плоти и магической гнили. Бессмертным тираном, чье правление будет поддерживаться бесконечными муками мира, перевариваемого внутри его новой божественной утробы.

Мир не исцелится. Мир просто станет частью одного-единственного чудовища.

Руны на спине Тэхёна вспыхнули в последний раз невыносимым белым огнем, сжигая верхний слой кожи. Он инстинктивно дернулся назад, разрывая контакт. Ладонь с влажным, чавкающим звуком оторвалась от обсидиана.

Тишина ударила по ушам сильнее, чем недавний рев пламени. Золото медленно вытекало из его глаз, возвращая зрачкам привычный темно-карий цвет. Он судорожно вдохнул затхлый воздух подземелья, давясь водой и собственной кровью — прокусив губу во время транса. Метки на спине пульсировали тупой, выворачивающей суставы болью. Каждая вспышка стоила ему недель жизни, этот сеанс отобрал годы. Он чувствовал себя древним стариком, чья кожа стала сухой и тонкой, как осенний лист.

Черная скверна разочарованно зашипела, отступая обратно во тьму потолка — яркая добыча внезапно погасила свой свет, став обычным, истощенным человеком.

Тэхён оперся дрожащей рукой о стену. Камень крошился под его пальцами. Обсидиановая пластина больше не казалась матовой. Теперь изнутри нее пробивался ровный, медленный пульс, похожий на биение спящего сердца. Последний фрагмент фолианта со щелчком встал на невидимое место, соединяясь с теми осколками, что Тэхён собирал годами. Каменная карта континента окончательно сложилась.

Соберись. Дыши через боль. Выдох должен быть длиннее вдоха.

Тэхён заставил мышцы повиноваться. Он снял с пояса флягу с горькой настойкой пустырника и влил в себя обжигающую жидкость. Горечь помогла прочистить голову, перебивая привкус крови и праха.

Теперь он знал правду. И эта знание делало его самым опасным преступником в Империи.

Если Совет Инквизиции поймает его сейчас, они не станут пытаться его ради информации. Зачем? Карта уже собрана. Они просто вырвут его сердце на месте, высушат его дар досуха прямо в полевых лабораториях, чтобы зарядить первый накопитель для ритуала Императора. Хранитель Солнца превратится в топливо для восхождения нового Бога Мертвой Плоты.

Пепел снова начал просачиваться внутрь. На этот раз не струйками, а плотной массой. Где-то наверху Великая Пепельная Буря полностью накрыла монастырь. Древние блоки кладки стонали под весом оседающего на крыше ядовитого одеяла. Потолок держался на честном слове давно забытых архитекторов и остатках святой магии, которая быстро проигрывала войну коррозии. Еще полчаса, и склеп станет его саркофагом.

Тэхён туго перемотал пластину двумя слоями пропитанного дегтем льна, пряча ее глубоко за пазуху, прижав к самому сердцу. Жар камня теперь ощущался даже сквозь ткань — хищный, нетерпеливый жар.

Нужно уходить. Немедленно.

Но куда? Дорога к Разрушенному Хребту перекрыта патрулями. Столицу уже отрезало первыми фронтами бури. Любой путь выдаст его магию — после такого глубокого погружения в Пепел он фонит, как маяк посреди слепящей ночи. Инквизиция найдет его по следу, стоит сделать лишь шаг. Их ищейки-чародеи чувствуют остатки божественной энергии за десятки лиг.

Тэхён поднял воротник плаща, скрывая нижнюю часть лица. Он подошел к винтовой лестнице, ведущей наверх. Каменные ступени блестели от сочащегося сверху жидкого пепла.

Он мог спрятаться. Искать глухие деревни, где еще верят в старых богов, жить в страхе, пока скверна или голод не закончат его путь. Или...

Или пойти навстречу охотникам.

Если план Императора требует собрать Пепель на одном алтаре, значит, носителей этих фрагментов будут стгонять в одну точку. Если он сдастся Персту Императора — тому самому

капитану Чёрной Инквизиции, чей отряд ближе всех к заброшенному монастырю, — он попадет напрямик в столицу. Прямо к Первозданному Алтарю.

Это было самоубийство. Чистейшее, незамутненное безумие. Позволить приставить клинок к своему горлу и надеяться, что по пути выпадет шанс уничтожить карту или убить того, кому служат все демоны этой земли.

Сверху раздался оглушительный треск. Часть кровли центрального нефа обвалилась, подняв облако едкой пыли. Лестницу засыпало по самые перила. Единственный путь наружу теперь лежал через пролом в восточной стене, выходящий прямо в Великую Пустошь.

Тэхён посмотрел на свои руки. Золотые нити вен слабо пульсировали под кожей, восстанавливая выжженный запас сил. Он видел будущее, которое наступит через три недели, если он ничего не сделает. Видел лицо Императора, расплавляющееся и становящееся единым целым с черным тронном.

Страх никуда не исчез, но он свернулся внизу живота холодной, острой пружиной. Аристократическая сдержанность, воспитанная в нем наставниками погибшего культа, дала трещину, обнажая сталь.

— Пусть приходят, — беззвучно прошептал Тэхён в серый сумрак катакомб.

Он проверил крепления ножен на поясе, подтянул ремни походной сумки и шагнул в пролом стены.

Удар ветра выбил дух из легких. Серая пустошь встретила его стеной мелкого, секущего кожу пепла. Неба не было — над головой клубилось тяжелое, беременное кислотными дождями брюхо бури. Видимость упала до нескольких шагов.

Тэхён сделал второй шаг, провалившись по колено в мягкий серый бархан. Он пошел навстречу надвигающейся буре, подставляя лицо ледяному ветру. Он оставлял за собой четкие, глубокие следы на нетронутом пепле — идеальную дорогу для своих палачей.

Глава 2. Приказ без сердца

Тронный зал Совета Инквизиции не видел солнечного света уже триста лет. Окна здесь заменяли узкие бойницы, забранные решетками из почерневшего метеоритного железа, а свет давали лишь сотни тонких свечей из черного жира — их пламя горело ровным синеватым огнем и источало сладковатый запах тления.

Чонгук стоял в центре мозаики, выложенной на полу из костей изменников. Мозаика изображала Первый Пожар — момент, когда люди сбросили богов с небес. Под его сапогами хрустнули чьи-то фаланги пальцев. Он давно перестал обращать на это внимание.

Перед ним возвышался подиум Верховного Судьи. Двенадцать кресел из резной кости, обитых человеческой кожей. В них сидели те, кто правил Империей тенями за спиной Императора. Люди, чья власть держалась исключительно на страхе перед неизлечимой болью. Чонгук чувствовал их запах даже сквозь густой дым ладана — тяжелый, приторно-сладкий смрад гниющей плоти. Проклятие скверны было болезнью медленной, избирательной. Она редко трогала руки или лица тех, кто отдавал приказы, предпочитая пожирать их внутренности, легкие и совесть. У одного из Судей, по левую руку от Верховного, правое ухо полностью отсутствовало, вместо него зияла черная дыра, затянутая маслянистой пленкой. Другой постоянно, мелко дрожал, хотя в зале стояла удушливая жара.

Верховный Судья восседал в центре. Его лицо напоминало старый пергамент, туго натянутый на череп, но глаза были живыми, влажными и абсолютно лишёнными жалости. На коленях судьи покоился свиток из безупречно гладкой кожи. Края этого свитка еще кровоточили — свежая жертва для скрепления имперской воли.

— Перст Императора, — голос Верховного был сухим, как шелест пепла. Он не спрашивал, он констатировал факт. Капитан Чёрной Инквизиции коротко кивнул, ударив кулаком по груди в жесте воинского приветствия. Звякнула тяжелая цепь медальона-идентификатора. — Твоя охота была успешной. Ты вырезал гнездо Говорящих-с-Водой в Дельте Гнили. Император доволен тем, как быстро ты высушил их болото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.